

Юри СУГИНО

Евгений из «Медного Всадника» и Пугачев из «Капитанской дочки»

— К толкованию образов бунтовщиков* —

1

Начиная с 1829 года, в произведениях Пушкина заметно увеличивается количество сравнений персонажей с животными либо зверями и употребление названий и бранных слов, относящихся к животным. Примечательно, что некоторые образы зверя отождествляются или ассоциативно связываются с эпидемией и бунтом¹. Среди персонажей, которые сравниваются с образом зверя, Евгений из «Медного Всадника»² (1833) и Пугачев из «Капитанской дочки» (1833–1836). Они оба являются образами бунтовщиков против царя: Евгений угрожает власти Петра I, Пугачев — предводитель крестьянского восстания. У обоих героев присутствуют такие общие атрибуты, как сопутствующие их появлению погодные катаклизмы, сравнение с образом зверя и устойчивая связь с черным цветом — эти атрибуты показывают необыкновенность героев на фоне человеческого общества. К тому же автор сближает Евгения и Пугачева с образом льва, символом бунтовщика против российского царя, о чем пойдет речь в настоящей статье.

Сначала мы затронем вопрос о том, каким образом на рубеже 1830-х годов в воображении Пушкина формировалась связь понятий бунта, бунтовщика и эпидемии с представлением о звере. Как отмечено в нашей предыдущей работе³, в «Медном Всаднике» Пушкин скрывает в подтексте свою ассоциацию бунта и эпидемии с образом зверя: Евгений и природная стихия метафорически сближаются с образом зверя. У Пушкина эта ассоциация установилась под влиянием двух пережитых им событий: путешествия по Кавказу в 1829 году и холерных бунтов, свирепствовавших по всей России в 1830–1831 годах.

Ассоциация бунтовщика с образом зверя впервые появляется у Пушкина в стихотворении «Кавказ», окончательный вариант которого поэт дописал болдинской осенью 1830 года. В нем есть такая же картина, как в «Медном Всаднике»: бурный Терек сравнивается со «зверем», равно как и свирепая Нева, и немые громады так же сурово относятся к бурному Тереку, как высокий бронзовый монумент — к возмущенной Неве. Судя по черновому наброску, звероподобный Терек представляет собой прообраз дикого горного народа, сопротивляющегося господству России. Кроме того, в мотиве противопоставления бурных потоков грозным скалам, который восходит к стихотворению Пушкина «Мордвинову» и имеет текстуальные переклички со стихотворениями декабристов⁴, мы видим некую связь декабриста-бунтовщика с природной стихией. Такая связь позже развивается в одну из тематических линий в «Медном Всаднике».

В 1830–1831 годах в России была холера, один за другим происходили холерные бунты, они слились в сознании Пушкина с образом зверя, как видно из его писем и записок. Например, в «Материалах для заметок в газете «Дневник»», где речь идет о холерном бунте, произошедшем в Новгородских военных поселениях в 1831 году, Пушкин описывает реакцию и возмущение бунтовщиков угрозами царя как «*рев и вой голодного зверя*» (12, 199)⁵. Зверства не только со стороны темных крестьян, но и со стороны царского правительства потрясали поэта. Размышляя о глубокой пропасти между народом и царем, Пушкин стал оценивать действительность более трезво, в результате чего его мысль спроецировалась на кульминацию «Медного Всадника». Итак, образ зверя, который в 1829 году был метафорой кавказского бунтовщика, в 1830–1831 годах связан с холерой и холерными бунтами, которые оказали сильное влияние на общественно-политические взгляды Пушкина.

Что касается «Медного Всадника», то анализ подспудной авторской ассоциации бунта и эпидемии с образом зверя дает нам ключ к раскрытию многослойного строения поэмы как синтеза трех исторических эпох — 1770-х годов, периода декабристов и 1830-х годов⁶. Евгений воплощает в себе Пушкина, декабриста, мятежника холерных бунтов; Медный Всадник скрывает лицо Николая I под маской Петра I. В кульминационном эпизоде, в основе которого лежит общественно-философская тема столкновения личности с исторической необходимостью, отражается восстание декабристов, противостояние Пушкина и декабристов с Николаем I и конфликты времен холерных бунтов, свидетелем которых был поэт.

Далее, пристальное внимание к художественным образам, соотнесенным со зверем, раскрывает смысл сцены, в которой Евгений сидит на мраморном льве. Здесь в мраморном льве соединяется два образа: образ зверя, ассоциирующийся с бунтовщиком, и образ льва, символизирующий Швецию и царя. Лев является царским животным, равно как и орел, не только в русских баснях и аллегорических стихотворениях, но и в общекультурной традиции⁷. Если же говорить о творчестве Пушкина, то у него в «Нравоучительных четверостишиях» (1826) лев фигурирует в качестве царя животных. К тому же, в стихотворении «Воспоминания в Царском селе» (1814)

встречается образ орла, обозначающий Россию, и образ льва, обозначающий Швецию. Евгений сидит на льве, символизирующем достойного соперника и враждебную страну по отношению к российскому царю, и тем самым достигает равенства с Петром I и противодействует ему.

Чтобы показать Пугачева в «Капитанской дочке» как мятежного бунтовщика против царя, Пушкин придает ему те же атрибуты, которыми наделен Евгений из «Медного Всадника», и сравнивает Пугачева с образом льва в символическо-аллегорическом плане, включение которого в повесть тщательно подготовлено поэтом. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу сначала доказать, что у Евгения из «Медного Всадника» и Пугачева из «Капитанской дочки» есть три общих атрибута. Затем рассматриваем вопрос о сравнении Пугачева с образом льва на основе анализа тропов и намеков не только в «Капитанской дочке», но и в широком контексте других пушкинских произведений. В то же время мы надеемся, что наше исследование объясняет смысл и цель эпиграфа к одиннадцатой главе повести.

2

Евгений и Пугачев представляют собой образы бунтовщиков, поведение и личность которых не укладываются в правила и нормы общественной жизни, противоречат им и нарушают их. Хотя бунтовщик является существом, отвергаемым обществом, одновременно он естественный, свободный человек, потому что он пребывает в гордом одиночестве; его личность независима и самобытна. Пушкин придает Евгению и Пугачеву три характерных атрибута — сопутствующие их появлению погодные катаклизмы, сходство с образом зверя, а также устойчивую связь с черным цветом — и выделяет их исключительность на фоне социальной среды. Из трех атрибутов особенно важное значение имеет сходство с образом зверя, который ассоциативно сцепляется с реальной действительностью кавказских мятежей и холерных бунтов. Три этих атрибута, которые связываются с одичалостью, стихийностью и чем-то неведомым, противопоставлены ясности и порядку человеческого общества, — вот почему закономерно их наличие у образов мятежных бунтовщиков.

Сначала мы попробуем проанализировать три данных атрибута, сопровождающих образ Евгения из «Медного Всадника». Во-первых, Евгению сопутствует свирепая стихия не только при его первом появлении, но и почти на всем протяжении поэмы. Природная стихия — сильный ветер, дождь и бурные волны — является постоянным «шумовым» фоном при изображении одинокого героя, вплоть до момента его бунта. Даже после того, как наводнение прекращается на улицах, внутри Евгения остается «мятежный шум Невы и ветров», и он оглушен «шумом внутренней тревоги».

Во-вторых, потеряв рассудок, Евгений отчуждается от людей и живет полуживотной жизнью. Он превращается в нечто среднее: о безумном Евгении у Пушкина сказано «ни зверь, ни человек». В связи с этим следует вспомнить слова, которыми князь оценивает безумного мельника в поэме «Русалка» (1829–32):

Но человек, лишенный / Ума, становится не человеком. / Напрасно речь ему дана, не правит / Словами он, в нем брата своего / Зверь узнает, он людям в посмеянье, / Над ним всяк волен, бог его не судит. (7, 207–208)

А мельник говорит князю: «Я ворон, а не мельник». Под словами «Я ворон» подразумевается, что безумный мельник, в переносном смысле, не человек, он ближе к зверю. Подобно лишенному ума человеку, *описанному* в вышеприведенной цитате, безумный Евгений замыкается в себе и теряет дар речи («Ужасных дум / Безмолвно полон, он скитался»), подвергается насмешкам детей и кучеров. «Человек, лишенный ума, становится не человеком» — это мысль Пушкина, который в своих произведениях создает персонажи безумцев, уподобляющихся зверю.

В-третьих, образ Евгения окрашен в черные тона: в момент бунта с ним происходит большая драматическая метаморфоза, и он становится связанным с черной силой.

Он мрачен стал / Пред горделивым истуканом / И, зубы стиснув, пальцы сжав, / Как обуянный силой черной / “Добро, строитель чудотворный! / Шепнул он, злобно задрожав, — / Ужо тебе!...” / (5, 148)

Выражение «черная сила» можно истолковать с двух точек зрения — как душевное состояние Евгения и в ассоциативной связи с историческими событиями. Черный цвет выражает злобу, которая овладевает героем в порыве гнева на деспотическую царскую власть. Вместе с тем мы усматриваем в «черной силе» некую внутреннюю связь с народными восстаниями 1770-х годов и 1830-х годов. Например, чума, которая послужила толчком для чумного бунта, вспыхнувшего в 1771 году в Москве и ставшего предвестием Пугачевского бунта, имеет другое название: «черная смерть». К тому же годы народных бунтов, включая Пугачевский бунт и холерные бунты, называются «черными»⁸. Далее, в «Истории Пугачева» (1833) Пушкин часто употребляет образованное от

прилагательного «черный» слово «чернь», именуя им свирепую толпу. Можно сказать, что «черная сила», охватывающая Евгения в кульминационном пункте поэмы, перекликается с ненавистью, мятежностью и свирепостью, которыми был одержим всякий бунтовщик во время восстаний прошлых времен. Итак, образ Евгения обладает тремя атрибутами: это сопутствующая непогода, метафорическое сближение с образом зверя и акцентирование черных тонов.

В сопоставлении «Медного Всадника» с «Капитанской дочкой» обнаруживается, что в сцене первого появления Пугачева присутствуют те же атрибуты, что и у Евгения. Пугачев появляется зловецким признаком приближающегося восстания, когда «ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным» (8, 287). Здесь стихия олицетворена, как и в «Медном Всаднике». Г.П. Макогоненко справедливо замечает, что метель в «Капитанской дочке» соотнесена со стихией народного мятежа так же, как наводнение в «Медном Всаднике»⁹. Мы узнаем о появлении Пугачева из диалога между Гриневым и ямщиком:

Вдруг увидел я (т.е. Гринев — Ю.С.) что-то черное. «Эй, ямщик!» — закричал я. — «Смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. — А бог знает, барин, — сказал он, садясь на свое место: — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк или человек. (8, 288)

Пугачев вырисовывается на фоне снежной бури, как нечто черное. Его фигура неразличима в буре, и трудно отличить ее от воза, дерева или волка. По выражению ямщика, Пугачев воспринимается, как «или волк или человек». Таким образом, в сцене первого появления Пугачева изображены три характерных признака: непогода, сравнение с волком и связь с черным цветом. Отметим попутно, что сцена появления Пугачева имеет сходство со сценой первого появления мельника из «Русалки»:

Что это значит? листья / Поблекнув вдруг свернулись и с шумом / Посыпались как пепел на меня (т.е. князь — Ю.С.). / Передо мной стоит он (т.е. мельник — Ю.С.) гол и черн, / Как дерево проклятое. (7, 205)

Перемена погоды, связь с черным и уподобление дереву говорят о странности безумного мельника, который ближе к миру природы, чем к людям. Мы видим в этой сцене первоначальный мотив, который позднее использован Пушкиным в сцене появления безумного бунтовщика Пугачева.

Появление Пугачева, сопровождающееся метелью, похоже на появление колдуна или чудовища в волшебных сказках. Некоторые исследователи усматривают что-то сказочное в строении повести и в характеристике Пугачева¹⁰. Например, И.П. Смирнов, который анализирует сюжетную структуру «Капитанской дочки» в сопоставлении с системой волшебной сказки, замечает, что Пугачев представляет силы чужого мира, который в архетипе является нечеловеческим или получеловеческим¹¹. Еще раньше В.Б. Шкловский видел в Пугачеве образ помощника-зверя, который спасает героя в сказках¹². Ясно, что, впервые изображая в повести Пугачева, Пушкин использует художественный прием волшебных сказок и показывает читателю Пугачева как будто не человеком, а кем-то, напоминающим зверя.

В «Капитанской дочке» черный цвет символизирует необъяснимую силу и таинственность личности Пугачева, который может вызывать беспорядки в обществе. Представление о народных бунтах, происходивших в 1770-х годах, тесно переплетается с черным вообще. Как написано в «Истории Пугачева», Пугачев однажды болел «черной немочью», и после этой болезни у него на груди остались знаки¹³. Основываясь на этом факте, Пушкин создает в «Капитанской дочке» вставной эпизод о том, что у Пугачева есть «царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персоне его» (8, 329). Следы «черной немочи», выдаваемые за «царские знаки», также кажутся символическим физическим признаком героя, которому суждено быть вождем восстания, ассоциирующегося с черным цветом¹⁴. Таким образом, черное достойно именно Пугачева, зачинщика мятежа, с которым связаны различные события и предметы, окрашенные в черный цвет.

Как указано выше, Пугачеву атрибутируются три характерных признака: непогода, уподобление образу зверя и ассоциация с черным. В «Капитанской дочке» Пушкин придает Пугачеву те же атрибуты, какие мы видим у Евгения в «Медном Всаднике», и тем самым изображает сильный образ бунтовщика, личность которого наделена сверхъестественными качествами.

3

Выявив общие атрибуты, свойственные Евгению и Пугачеву, мы подойдем к освещению символическо-аллегорического плана, через который раскрывается сущность Пугачева как бунтовщика, соотносящегося с образом льва. В «Капитанской дочке» этот план образуется из эпиграфов к десятой и одиннадцатой главам и сцены спора о калмыцкой сказке в одиннадцатой главе. Кроме того, поэт использует тропы из других своих произведений

как вспомогательные элементы данного плана.

Известно, что сам Пушкин предпосылает одиннадцатой главе эпиграф якобы из басни Сумарокова, чтобы ввести сравнение Пугачева со львом. Как написано в послесловии к «Капитанской дочке», повесть имеет обрамленную композицию: издатель оформляет записки мемуариста Гринева, прилагая эпиграф к каждой главе, и издает их. Естественнее всего предположить, что современный Пушкину издатель, который также занимается изучением периода Пугачевского бунта, смотрит на различные события и предметы более объективно и трезво, чем Гринев, у которого добрый, честный, но немного шаловливый характер. Наверно, издатель ближе к мироощущению Пушкина, но все-таки вымышленный издатель — это не поэт. Пушкин в качестве автора стоит над Гриневым и издателем, создавая художественный мир повести. Ощущается, что эпиграф к одиннадцатой главе создан Пушкиным целенаправленно. Нам кажется, что это объясняется внутренним соотношением с другими элементами символично-аллегорического плана. Поэтому мы попытаемся подойти к решению нашей задачи с авторской точки зрения.

В настоящей главе сначала на основе анализа эпиграфов к десятой и одиннадцатой главам мы выясним, что Пугачев сравнивается со «львом», а потом мы попробуем аргументировать эту догадку, рассматривая сцену спора о калмыцкой сказке и эпизоды из «Истории Пугачева» и «Русалки».

В «Капитанской дочке» эпиграфы, взятые из пословиц, фольклора и произведений XVIII века, представляют читателю более широкий фон времени и пространства, чем записки Гринева¹⁵. По поводу эпиграфов к десятой и одиннадцатой главам мы считаем, что в них во внутреннем сопряжении контекста отражается авторский взгляд на образ Пугачева. Эпиграф к десятой главе гласит:

Заняв луга и горы

С вершины, как орел, бросал на град он взоры.
За станом повелел соорудить раскат,
И в нем перуны скрыв, в ночи привезть под град.

Херасков

Эти стихи взяты из поэмы «Россиада», в которой воспевается захват Казани Иваном Грозным. Пушкин умышленно цитирует их с небольшими отклонениями от оригинала. Посмотрим оригинал:

Меж тем Российский Царь, заняв луга и горы,
С вершины, как орел, бросал ко граду взоры;
За станом повелел соорудить раскат,
И в нем перуны скрыв, в ночи привезть под град¹⁶.

При сравнении стихов, приведенных Пушкиным в эпиграфе к десятой главе, и оригинальных стихов из «Россиады» становится ясным, что Пушкин вычеркивает фразу «Меж тем Российский Царь» и заменяет ее словом «он». Эпиграф к десятой главе намекает на окружение бунтовщиками Пугачева Оренбурга. Действительно, в «Истории Пугачева» написано, что при осаде Оренбурга Пугачев использовал тот же военный прием, о котором упомянуто в эпиграфе к десятой главе¹⁷. С первого взгляда на эпиграф к десятой главе, «орлом» кажется Пугачев, однако в употребленном в эпиграфе местоимении «он» ощущается неопределенность. Если Пугачев не «орел», кто он такой? Пушкин готовит разгадку в следующей главе. Обратимся к эпиграфу к одиннадцатой главе:

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
“Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?”
Спросил он ласково.

А. Сумароков

Среди русских исследователей принято считать, что эпиграф к одиннадцатой главе сочинил Пушкин¹⁸. Мы также придерживаемся этого вывода, потому что в произведениях Сумарокова таких строк не обнаружено, а в черновой рукописи Пушкина сохранились следы того, что поэт перерабатывал эти строки¹⁹.

Эпиграф к одиннадцатой главе относится к сцене, в которой Гринев приезжает в мятежную слободу, занятую пугачевцами. Мы согласны с общепринятым толкованием, что под «львом» подразумевается Пугачев²⁰. В мятежной слободе Гринев встречается с Пугачевым и просит освободить свою невесту от притязаний Швабрина. Пугачев внимает его просьбе и обещает ему помощь. Следовательно, «лев», о котором речь идет в эпиграфе к одиннадцатой главе, обозначает Пугачева, который находится в хорошем настроении после удачи в боях («был сыт») и «ласково»

принимает Гринева, пришедшего в ставку Пугачева («вертеп»). Таким образом, из эпитафы к одиннадцатой главе следует, что Пугачев — «лев».

На основе данного анализа можно сказать, что Пушкин исключает фразу «Российский Царь» из эпитафы к десятой главе, именно, чтобы уклониться от отождествления Пугачева с российским царем. Пугачев — крестьянский царь, а не российский. Хотя Пугачев ведет бой так же дерзко, как Иван Грозный, но он не настоящий царь. Он просто выдает себя за Петра III. Снимая фразу «Российский Царь», поэт подразумевает, что Пугачев не российский царь, и, значит, он не «орел», символ российского царя. Естественно, возникает вопрос: почему Пугачев сравнивается именно со «львом»? На наш взгляд, потому что *он, как и Евгений, бунтовщик против царя*. «Лев» как символ равного врага российского царя подходит Пугачеву, также как и Евгению, ибо они мятежники, смело бунтующие против царя.

Изучение спора о калмыцкой сказке, вставленного в одиннадцатую главу, также позволяет нам подтвердить наш вывод о том, что Пугачев «лев». Спор имеет точку соприкосновения с эпитафой к десятой главе в том, что уклоняется от определения Пугачева как «орла». Сначала мы познакомимся коротко с самой сценой, а потом рассмотрим, каким образом она подтверждает мысль о том, что «лев» — это Пугачев.

В калмыцкой сказке фигурируют ворон, питающийся мертвечиной и живущий триста лет, и орел, питающийся живой кровью и живущий только тридцать три года. Пугачев рассказывает сказку, как будто бы он сам орел, намекая на то, что, хотя жизнь по подобию орла доведет его до гибели, он хочет жить свободно и необузданно, как орел, а не как ворон. Г.П. Макогоненко отмечает, что в поэтической возвышенности калмыцкой сказки Пугачев впервые является таким, каков он есть на самом деле²¹. Действительно, в эпизоде с калмыцкой сказкой обнаруживается, что Пугачев представляет собой могучего, дикого и независимого мятежника против царя. Однако, хотя он свиреп и свободен, он прямо не отождествляется с «орлом». Как только Пугачев кончает сказку, Гринев возражает ему: «Но жить убийством и разбоем значит по мне клеветать мертвечину». Пугачев, удивленный возражением Гринева, замолкает.

Отметим попутно, что фольклорный источник калмыцкой сказки, рассказанной Пугачевым, до сих пор не установлен²². В 1900 году на Южном Урале краеведом Чубаровым было записано сказание, подобное калмыцкой сказке. По поводу этого Е.М. Блинова пишет: «Трудно решить, является ли приведенная Чубаровым сказка тем подлинником, который слышал Пушкин и художественно переделал, или же это переработанная народом пушкинская сказка из “Капитанской дочки”»²³. А М.И. Гиллельсон и И.Б. Мушина не исключают возможности, что калмыцкая сказка сочинена самим Пушкиным²⁴. Придерживаясь их мнения, В.В. Борисова замечает, что калмыцкая сказка может быть представлена как творческая трансформация известных Пушкину сказочных сюжетов и мотивов²⁵. На наш взгляд, вполне допустимо, что калмыцкая сказка создана или переделана Пушкиным, потому что она так удачно укладывается в сюжетную структуру и соответствует авторскому замыслу, как и эпитафа к одиннадцатой главе.

В мифологии и фольклоре ворон и орел принадлежат к наиболее часто упоминаемым животным. Вообще говоря, ворону отводится более скромная и мрачная роль по сравнению с орлом, стоящим на вершине птичьей иерархии. Кроме того, в произведениях Пушкина образ орла олицетворяет благородство и величие, отождествляясь с царем либо с поэтом, а образ ворона ограничен пассивной ролью и часто встречается в сценах смерти. В калмыцкой сказке образы орла и ворона так высоко опозитизированы, что можно усмотреть в их противопоставлении несколько основных философских тем: необыкновенность и заурядность, жизнь и смерть²⁶, победа и поражение.

Дуалистическая символика калмыцкой сказки, которая толкуется многозначно, играет важную роль в сюжетной структуре и в замысле повести²⁷. Сцена спора о калмыцкой сказке между Пугачевым и Гриневым расположена почти в центральной точке развития сюжета. Она не только является кульминацией в идейной борьбе двух героев, но и совпадает с поворотным моментом в боевой обстановке между восставшими и правительственными войсками. После этого спора военное счастье резко изменяет Пугачеву. Можно сказать, что спор имеет большое значение как образ борьбы, решающей дальнейшую судьбу каждого из героев.

В споре по поводу калмыцкой сказки Гринев разбивает логику Пугачева: по его мнению, жить убийством и разбоем, как Пугачев, значит кормиться мертвечиной, — не таков образ жизни орла. Однако здесь нельзя упускать из виду того, что в словах Гринева есть недомолвка, в результате этого остается неясным, «ворон» Пугачев или нет. Вводя ответную реплику Гринева, Пушкин все же не определяет Пугачева, ни как «орла», ни как «ворона». Находясь в позиции автора, поэт не становится ни на сторону Пугачева, предводителя крестьянского бунта, ни на сторону Гринева, носителя принципов морали дворянского общества. Из сцены спора о калмыцкой сказке можно сделать заключение: Пугачев не является ни «орлом», ни «вороном». Это не противоречит изображению Пугачева в образе льва, как мы видим в эпитафе к одиннадцатой главе, сочиненном самим Пушкиным.

Тут же уместно напомнить о сценах из «Истории Пугачева» и «Русалки», в которых есть намек на отказ от отождествления Пугачева с «вороном». Сначала приведем сцену из «Истории Пугачева», где сам Пугачев отвергает сравнение себя с «вороном»:

Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. — Кто ты таков? спросил он у самозванца. — *Емельян Иванов Пугачев*, отвечал тот. — Как же смел ты, вор, назваться государем? продолжал Панин. — *Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает*. (9, 78)

Пушкин выделил слова Пугачева курсивом. Вышеприведенный исторический факт показывает, что сам Пугачев не сравнивал себя с вороном. Мы видим в иносказательном ответе Пугачева в «Истории Пугачева» отдаленный намек на то, что Пугачев не «ворон». Кроме того, вспомним, что в «Русалке» мельник говорит: «Я ворон, а не мельник». Уподобление мельника ворону также содержит в себе отдаленный намек на то, что Пугачев не «ворон». Мельник — просто мельник, а Пугачев, хотя по происхождению мужик, является таким необыкновенным человеком, который стал предводителем крестьянского восстания и стремился взойти на престол. Поэтому Пугачева нельзя считать «вороном», как некоего простого мельника. Таким образом, иносказательный ответ Пугачева в «Истории Пугачева» и сравнение мельника с вороном в «Русалке» кажутся нам подтверждением того, что Пугачев не «ворон».

Все вышесказанное можно обобщить следующим образом: эпитафии к десятой и одиннадцатой главам показывают, что Пугачев — не «орел», а «лев»; спор о калмыцкой сказке не определяет Пугачева ни как «орла», ни как «ворона»; эпизоды из «Истории Пугачева» и «Русалки» доказывают, что Пугачев не «ворон». Отсюда вытекает, что Пушкин подводит Пугачева, равно как и Евгения из «Медного Всадника», под образ льва, символизирующего бунтовщика против российского царя. Можно сказать, что в «Капитанской дочке» Пушкин вводит символическо-аллегорический план, расширяя его контекст на все свое творчество, с целью сравнить Пугачева с образом льва.

4

Евгений из «Медного Всадника» и Пугачев из «Капитанской дочки» — герои, готовые на такие безрассуднейшие, но смелые действия, как противоречить царю и угрожать государственному строю. Пушкин придает Евгению и Пугачеву такие символические атрибуты, как сопутствующие природные катаклизмы, сближение с образом зверя и акцентирование черных тонов. С помощью трех символических атрибутов выражается стихийность, самобытность и сверхчеловеческая сила бунтовщика. В частности, в их метафорическом сближении с образом зверя мы усматриваем глубоко идущую ассоциативную связь с мятежами на Кавказе и холерными бунтами, которые дали толчок к изменению взглядов Пушкина на рубеже 1830-х годов. Кроме того, поэт изображает Евгения и Пугачева в образе льва, являющегося символом бунтовщика против царя. Этот символ, который обозначает врага, равного русскому «орлу», облагораживает образ бунтовщика и приравнивает его к российскому царю.

Эпитафия к одиннадцатой главе, в которой Пугачев сравнивается со «львом», функционирует как тезис символическо-аллегорического плана, что связано с художественным замыслом Пушкина. Нам кажется, Пушкин сочиняет эпитафию к одиннадцатой главе, рассчитывая именно на такой эффект. К тому же, можно предположить, что сближение Пугачева с образом льва в эпитафии к одиннадцатой главе в «Капитанской дочке», написанной после «Медного Всадника», дает читателю ключ к истолкованию сцены из поэмы, где Евгений сидит на мраморном льве.

В мастерски созданном художественном образе независимого бунтовщика против царя мы видим чувство собственного достоинства художника Пушкина, который в своем творчестве высоко поднимается над земной властью российского царя.

Примечания

- * Настоящая статья углубляет и дополняет доклад «Символические образы зверя в творчестве Пушкина», прочитанный Ю. Сугино в Одессе в мае 1995 года на Третьей международной Пушкинской конференции, и статью, опубликованную на японском языке, «Сравнивается ли Пугачев со львом? — Образ зверя в “Капитанской дочке”» — «Муза» No.8 (1989), Осака. С. 45–53. Мы внесли существенное изменение в точку зрения предшествующих работ о том, что в символическо-аллегорическом плане соотносятся на равных три фигуры — мельник из «Русалки», Евгений из «Медного Всадника» и Пугачев из «Капитанской дочки». Таким образом, в настоящей статье, уточняя характеристики и аллегорические функции трех фигур, мы выносим мельника за рамки символическо-аллегорической соотносительности Евгения и Пугачева, которые сцеплены ассоциативной связью с бунтовщиком на глубинно-смысловом уровне. Уподобляемый ворону образ мельника не обладает отвлеченным смыслом в сопоставлении с двумя другими героями, сближающимися со львом, он играет вспомогательно-служебную роль для подтверждения того, что Пугачев не «ворон».

- ¹ У Пушкина в 4 произведениях — «Кавказ» (1830), «Не дай мне бог сойти с ума» (1833), «Медный Всадник» (1833), «Капитанская дочка» (1833–1836) — присутствуют образы зверя, которые имеют ассоциативную связь с бунтом и эпидемией. Кроме того, в письме от 9-го сентября 1830 года и «Материалах для заметок в газете “Дневник”» (1831) под словами «зверь» подразумеваются эпидемия либо бунтовщик.
- ² В поэме оба слова «Медный Всадник» пишутся с заглавной буквы, как пишут о царях. Следуя этому, мы так же пишем «Медный Всадник» в настоящей статье.
- ³ *Сугино Ю.* О наводнении в поэме «Медный всадник» // *Japanese Slavic and East European Studies*, 1990, Vol. 11, pp. 59–78.
- ⁴ «Кавказ» имеет текстуальные переклички со стихотворением К.Ф. Рылеева «Гражданское мужество». К тому же в стихотворении «Шебутуй» (1831) А.А. Бестужев уподобляет образу льва бурные потоки, которые ассоциируются с мятежной, безумной страстью, приведшей его к участию в восстании декабристов.
- ⁵ Все тексты Пушкина цитируются по Большому академическому изданию: А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л., Изд. АН СССР, 1937–1959. В дальнейшем при цитатах указываются цифрами том и страница.
- ⁶ *Сугино Ю.* К вопросу о соотношении образов Медного Всадника и Николая I // *Japanese Slavic and East European Studies*, 1991, Vol. 12, pp. 61–79.
- ⁷ В третьем действии «Горя от ума» А.С. Грибоедова есть слова Загорецкого: “(Львы и орлы — Ю.С.) Хотя животные, а все-таки цари”. Согласно словарю В.И. Даля, лев считается царем зверей, а орел — царем птиц.
- ⁸ Лермонтов употребляет выражение «черный год» в стихотворении «Предсказание» (1830), в котором холерные бунты напоминают поэту об эпидемии чумы. (М.Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч. Изд. «Воскресенье», М., 1999. С. 196).
- ⁹ *Макогоненко Г.П.* Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836). Л., 1982. С. 419.
- ¹⁰ *Смирнов И.П.* От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. xxvii, Л., 1973; *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет: Статьи-воспоминания-эссе (1914–1933). М., 1990; *Цветаева М.И.* Пушкин и Пугачев. Мой Пушкин. Изд. «Сов. писатель», М., 1967.
- ¹¹ *Смирнов И.П.* От сказки к роману. С. 319.
- ¹² *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет. С. 343.
- ¹³ А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 41, 109.
- ¹⁴ Пушкин думает, что мятеж заразен, как эпидемия. Во время холерных бунтов он беспокоится, что мятеж портит душу человека так же, как холера убивает тело человека, и пишет П.А. Плетневу 3-го августа 1831 года: “Не холера опасна, опасно опасение, моральное состояние, уныние, долженствующее овладеть мыслящим существом в нынешних страшных обстоятельствах”. (Полн. собр. соч. Т. 14, с. 206.)
- ¹⁵ Ю.М. Лотман замечает, что эпитафии, взятые из поэтов XVIII века, сообщают читателю об окружающей героя среде того времени (*Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова — Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 111). В свою очередь Л. П. Квашина замечает, что включение в повесть различных инотекстов, в том числе эпитафий, создает впечатляющий инотекстовый фон и рождает не запрограммированный извне и заранее новый смысл. (*Квашина Л.П.* Мир и слово «Капитанской дочки» // Московский пушкинист. 1996. Т. 3, с. 241).
- ¹⁶ М.М. Херасков. Россиада. М., 1796, песнь xi, с. 279.
- ¹⁷ А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 24–26.
- ¹⁸ *Цявловский М.А.* Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.–Л., 1935, с. 221; *Шкловский В.Б.* Заметки о прозе русских классиков. М., 1953, с. 69–70.
- ¹⁹ А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 8, с. 888.
- ²⁰ *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет. С. 75–76. *Квашина Л.П.* Мир и слово «Капитанской дочки». С. 242.
- ²¹ *Макогоненко Г.П.* Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836). С. 378.
- ²² А.С. Пушкин. Капитанская дочка. Литературные памятники. Изд. «Наука», Л., 1984. С. 289.
- ²³ *Блинова Е.М.* Устное народное творчество в произведениях Пушкина о Пугачеве и фольклор Южного Урала // А.С. Пушкин. Капитанская дочка. История Пугачева. Челябинск, Обл. изд., 1937, с. 314.
- ²⁴ *Гиллельсон М.И., Мушина И.Б.* Повесть А.С. Пушкина “Капитанская дочка”. Комментарий. Л., 1977. С. 150–151.
- ²⁵ *Борисова В.В.* «Калмыцкая» сказка в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Фольклор народов РСФСР. Песенные жанры, их межэтнические отношения, фольклорно-литературные связи. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1988. С. 109.
- ²⁶ В.В. Борисова замечает, что калмыцкая сказка по семантической структуре приближается к волшебнo-героической сказке, связанной с мифологической оппозицией «жизнь-смерть». См. : «Калмыцкая» сказка в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка». С. 110–111.
- ²⁷ *Гиллельсон М.И., Мушина И.Б.* Повесть А.С. Пушкина “Капитанская дочка”. С. 150–151; *Макогоненко Г.П.* Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836). С. 390–391, 416–417.

Юри СУГИНО

Yuri SUGINO

(Osaka University of Foreign Studies)

Evgeny in “The Bronze Horseman” and Pugachev in “The Captain’s Daughter”

— Interpretation as a Rebel Image of Both Heroes —

In the works of Pushkin after 1829, metaphors of beasts and animals, including call names and scornful names, increased remarkably. Especially, it is noteworthy that some metaphors of beasts were linked to images of riots and epidemics. Among characters with the images of beasts, Evgeny in “The Bronze Horseman,” who placed a curse on the emperor’s statue, and Pugachev in “The Captain’s Daughter,” who was a leader of farmers’ revolt, were written as rebels against their nations. As we can see from his works and letters after 1829, Pushkin associated images of revolts, riots, rebels and epidemics with the images of beasts. This association of images was established by the influence of a dispute between the mountain natives and the Russian government while Pushkin was traveling in the Caucasus Mountains, and cholera and riots in the beginning of the 1830’s.

Pushkin gave three common characteristics to both Evgeny and Pugachev: 1) the metaphor of beasts, 2) entry together with a natural force such as a flood or a storm, 3) close linkage with black color, and a desire to indicate that they are extraordinary revolts exceeding social norms. Further, the writer integrated the symbol-allegory plan into “The Captain’s Daughter,” and gave Pugachev the image of a lion. The epigraph in chapter 11 of “The Captain’s Daughter,” created by the writer himself, functions as the theme that “Pugachev is a lion.” In “The Bronze Horseman,” he identifies Evgeny with a lion statue, which means Sweden opposed to Peter the Great, and gives an image of him as being against the Russian emperor. The lion image has both the image of a rebel, and of an opponent of the Russian emperor. This report first clarifies three common characteristics to both Pugachev and Evgeny. Next, the report examines the symbol-allegory plan and I want to show that the lion, a symbol of rebellion against the Russian emperor, was also applied to Pugachev, as well as Evgeny.